

Настоятельно рекомендуется сначала прочесть «[Ящик](#)»

Снаружи.

Сначала ничего не произошло.

Несколько секунд тишину на испытательном полигоне нарушало только щебетание птиц и скрип кожаных ремней одного из полемархов, который явно перестарался с застёжками. Комиссия из полутора десятков иерархов размещалась на длинных скамьях, установленных на расчищенной от мусора и битых кирпичей площадке перед двухэтажным домиком от которого остался только каркас из стен. Внутри не было даже перекрытий, но, по внешнему виду этого строения, еще можно было угадать что когда-то оно было бакалейным магазином. Над площадкой от легкого ветерка слабо колыхался тканевый навес, который сделали из старой санитарной палатки. Рядом с навесом располагался тент поменьше, он защищал от солнца столик с высохшими уже закусками и отвратительно-тёплыми напитками. Кроме этого к столику прилагался воин в начищенном до блеска линотораксе, единственной задачей которого было отгонять от угощений насекомых.

Улицу городка покинутого давным-давно и превращенного ныне в импровизированный испытательный полигон, обрамляли стройные ряды зелёных кипарисов. Несмотря на то что за ними не ухаживали уже много лет, деревья до сих пор остались безукоризненно ровными, словно шеренги воинов из почетной охраны. Однако, ни безупречная погода, традиционная для островов метрополии, ни голубое небо без единого облачка, не имели никакого значения для собравшиеся иерархов. Те даже не пытались скрыть крайнюю степень уныния, которую на них производило всё вокруг, они ёрзали на местах, лениво вертели головами, поправляли одежды и украдкой поглядывали в сторону центра первой скамьи, где сидел сам стратег.

В передней части тараксиппа, установленного на телегу посреди улицы, захлопнулась подпружиненная крышечка, рядом с гашеткой что-то щелкнуло и та встала на боевой взвод.

Испытатель снова нажал на крючок, и снова ничего не произошло.

Спустя несколько секунд неловкой тишины по длинной скамье, полной начальствующих особ, пробежал шепот. Кто-то коротко кашлянул в кулак, кто-то зашелестел бумагами. Полемарх со скрипучими ремнями отточенным движением руки, достойным изображения на батальном полотне, подозвал личного виночерпия.

Испытатель, тем временем, явно не знал что делать дальше. Он неловко ходил вокруг агрегата, наугад дергал провода, проверял соединения каких-то трубочек, включил и выключил пару тумблеров. Затем, остановившись и взяв в руки длинный свиток с инструкцией, он принялся делать вид что изучает его, вместо этого нервно поглядывая исподлобья то на насест полный иерархов, то на самого конструктора,

стоящего чуть поодаль.

Брови стратега медленно поползли вверх, а на лице сидящего рядом наварха читалось плохо скрываемое торжество. Он демонстративно бросил на землю перед собой кипу свитков и брошюр, жестом отогнал слугу который решил что господин уронил бумаги случайно, и наклонился к уху стратега:

— Собственно, вот об этом я и говорил сегодня утром. Все эти изобретательские идеи есть трата времени и полнейшая бессмыслица, фокусы для развлечения толпы.

— Да? — стратег усмехнулся, — Мне показалось, господин наварх, что вы всё утро пытались втолковать мне как же здорово плавают эти ваши новейшие самоходные галеры. А в особенности еще двести миллионов которые ведомству стоит выделить на их испытания и доработку. Ммм?

— И я готов это повторять. В наше непростое время, когда средств с форося не хватает даже на поддержание штанов, решительно недостаточно... — в руках наварха вдруг оказался раскрытый портфель набитый свитками и брошюрами, подозрительно похожими на те что он только что с почти видимым отвращением выбросил, — ...Вот, ознакомьтесь еще раз, опытно-конструкторские работы уже почти подходят к завершению! При должном финансировании результаты будут через два мес...

— Довольно, — мягко оборвал его стратег, вытягивая шею и с интересом наблюдая как к тараксиппу из тени откуда-то с левой стороны трибуны пружинистой походкой приближается сам учёный-конструктор, поднимая копытами облачка пыли. Младший испытатель, пятясь, обошел агрегат с обратной стороны, стараясь держаться как можно дальше от начальника.

— Ты не хуже меня знаешь что бюджеты вряд ли будут перекраивать настолько сильно. — стратег выразительно посмотрел на собеседника, — Так что прекращай считать чужие деньги, экономь лучше свои. Например, откажись от адмиральских кают на каждом судёнышке, может и на лишний двухпалубный дромон хватит.

Услышав что-то о деньгах, сидящий с другой стороны скамьи пехотный полемарх энергично зашевелил руками, призывая своего слугу с очередным ворохом бумаги, на что наварх тут же отреагировал, попытавшись преградить чужому слуге проход рукой, а потом и вовсе боднуть беднягу рогами. Вздохнув, стратег подвинулся на скамье чуть вперед, дав сидящим вокруг и позади него должностным лицам больше места для невербальных дебатов. Затем вдруг его лицо сделалось серьезным, он зажмурил один глаз и заткнул пальцем ухо, повернув его в сторону тараксиппа.

— Да кому нужны ваши лохани, наварх, победа куётся на полях, — это слово полемарх буквально выкрикнул, — на полях сражений! А это значит, что новейшие пневматические сариссы и двухслойные щиты обеспечат нашим фалангам значительное преиму...

Слова иерарха, потрясавшего над головой развернутым свитком с какой-то

хитрой схемой, мгновенно потонули в оглушительном ударе грома, который раздался прямо посреди улицы. Через десятую долю секунды мелькнула фиолетовая вспышка, и воздушная волна словно хлыстом ударила по всем находившимся на полигоне, заставив их в беспорядке повалиться на землю. Все развёрнутые тенты тут же сорвало с растяжек, вколотив в стену и пустые окна брошенной бакалеи, столы с документами и угощениями перевернуло и отбросило. Воздух мгновенно наполнился песчаной пылью, в которой хаотично летали обрывки свитков и пергамента. Воин, находившийся рядом с закусками, остался стоять на месте, однако оказался с ног до головы вымазан в каком-то липком соусе. Медленно моргнув, он протянул руку и поочередно смахнул несколько тарталеток с непонятным содержимым, прилепившихся к его нагруднику словно улитки. Кроме него на своем месте остался только стратег, остальные должностные лица валялись в самых разных позах, далёких от удобства, протяжно завывали и охали.

Из-за спины стратега медленно выполз наварх, на правом роге которого болтался наколотый обрывок брошюры с изображением галеры. Ошарашенно потрясая головой, он нетвердым шагом прошел ближе к центру улицы и замер на несколько секунд, тупо уставившись на агрегат. Рядом с телегой стоял конструктор, который единственный из присутствовавших не лишился элементов одежды или не вытаскивал из-за шивороты щепки и мусор. Ученый развернул небольшой свиток и сделал в нём несколько пометок, а затем от души отвесил пинка своему подручному, который в страхе забился под телегу с тараксиппом так что наружу торчал только зад с мелко дрожащим хвостом.

Неловко протянув руку, наварх снял с рога брошюру с галерой, посмотрел на неё, а затем дальше по улице. Еще десять минут назад там, на расстоянии пятисот шагов, располагалось неплохо сохранившееся каменное здание местной ратуши. Сейчас первый и второй этажи этого строения просто перестали существовать, от них остались только стены по бокам. Третий этаж, увенчанный башенкой со сломанными часами, каким-то непостижимым образом остался на месте так, что здание теперь походило на триумфальную арку. За ней целых домов не было вовсе, только медленно оседающая пыль. Наварх перевел взгляд дальше, на холмы за городом, где не осталось ни одного стоящего дерева, а затем еще раз посмотрел на брошюру в руках.

В следующую секунду скомканный клочок бумаги отправился в пыль.

— Двести, — он захрипел и закашлялся, развернувшись к стратегу и указывая пальцем то на агрегат, то вниз по улице, — нет, четыреста этих штук нужно флоту до конца декады!

Стратег не ответил, хмуро глядя себе под копыта, там где лежал один из свитков выброшенных навархом несколько минут назад. На свитке была изображена техническая схема тараксиппа, совершенно непонятная без соответствующего

образования, однако прямо посередине располагался один элемент, явно знакомый любому. Изображение единорога.

— Это несправедливо! — воскликнул молодой минотавр, отбрасывая далеко в угол палатки большой круглый щит, — Разве наша синтагма не была лучшей в фаланге? В позапрошлой битве мы потеряли всего двоих! Из двухсот с лишним воинов! Архелай, ты же видел, мы были неустойчивы!

— Трех, одного не донесли. Не успели вовремя поднять щиты когда появились летучие застрельщики. — Его собеседник, минотавр всего на пару лет старше, с усилием затянул кожаные ремни на свертке с бронзовыми нагрудниками и устало опустился на скамью, нагнувшись и развязывая шнурки на поножах. В двухместной гарнизонной палатке, покрытой множеством заплат и бурых пятен, стоял настолько удушающий запах, что торчащий у входа пегас-посыльный ощутимо покачивался на месте, и, казалось, вот-вот был готов упасть в обморок. В щель, оставленную приоткрытым пологом, толчками врывалась дорожная пыль, сверкавшая в солнечном луче: мимо палатки под звуки авлосов и дудочек маршировал какой-то отряд.

— Вот именно. Сам полемарх выделял меня из строя и возлагал руку на моё плечо, это видели все. И тут — на тебе, «с ближайшей галерой отбыть». И куда отбыть? В какую-то дыру на малюсеньком острове. Что мы там будем делать? — Он повернулся к посыльному, — Ты знаешь?

Пегас быстро замотал головой, надув щеки и с мольбой глядя на Архелая. Сняв, наконец, поножи, минотавр подошел к столу, достал из деревянного футляра печать и вдавил в пергамент с такой силой, что ножки простенького деревянного стола чуть не разъехались в стороны. Свернув бумагу в трубочку, он перевязал её льняным шпагатом и протянул посыльному, который настолько быстро схватил сверток зубами и вылетел из палатки, что минотавр даже не успел открыть рот чтобы пожелать ему удачной дороги.

Покачивая головой, Архелай устало опустился на походную койку и закрыл глаза, пока его сосед продолжал ходить по центру палатки кругами, сжав кулаки. Топот проходящего отряда, со свистом авлосов и дудочек, утих. Его место снова занял обычный шум издаваемый военным лагерем: отдаленный стук молота в кузнице, отрывистые приказы какого-то десятника, обучающего новобранцев держать копья, смех воинов собравшихся вокруг костра. Откуда-то сверху доносился скрип неотрегулированного двигателя пролетающего низко дирижабля.

— «Отбыть». Отбыть!. Семь лет службы козлу под хвост. А я ведь уже отцу написал, что к концу года меня произведут в...

— Диадор, почему ты вспомнил именно позапрошлую битву? — не открывая глаз спросил Архелай.

— Н-нуу... — Минотавр прошел к входу в палатку и поплотнее закрыл полог от пыли, отчего в палатке стало ощутимо темнее, — ... Потому что я не знаю деталей прошлой, мы ведь на неё не успели из-за проклятых обозников. Не идти же в бой в одних портках! И спросить толком некого, синтагмы со второй по пятую как сквозь землю провалились, а остальные срочно ушли на север развивать наступление.

— Синтагмы со второй по пятую в прошлой битве почти полностью погибли, Диадор. Весь их таксис, почти весь левый фланг. Их расформировали, а выживших в тот же вечер отправили на гарнизонную службу в полисы.

— Эээ... — Минотавр даже улыбнулся, на мгновение решив что это шутка.

— Я сперва сам не поверил, — Архелай, чуть привстав, покосился на вход в палатку и продолжил, приглушив голос, — Пришлось с посыльными потолковать, они всё сверху видели, нашли какое-то облако на котором спрятались от вражеских летунов. У посыльных вроде как по закону инструкция есть чтобы до начала битвы улетали прочь и не участвовали, но этим интересно стало поглазеть, потому что знали, гады, что что-то намечается. Так вот они рассказали что полосатые стояли на этом холмике, очень сильно растянули ряды, выкопали перед собой траншеи с кольями, сами укрылись за какими-то большими деревянными решетками которые поставили на манер стенок.

— Видали мы такое! — Воскликнул молодой минотавр, — фаланга ускоренным шагом на два-четыре подходит вплотную к траншее, — Диадор начал оживлённо жестикулировать, — между лохосами пропускают вперед инженеров с деревянными мостками, те под щитами спускаются прямо в траншею... Да что там инженеры, мы же с тобой тогда, помнишь тот ров у ручья? Сариссы в пучок, сверху бросить щиты, и можно быстро перейти, главное не робеть. Неужели их остановил какой-то паршивый ров?!

— Прошу тебя, потише.

Архелай снова пристально посмотрел на вход в палатку, будто ожидая что к ним вот-вот ворвется отряд из охраны полководца и закует в кандалы за пораженческие разговоры. Затем он тяжело встал, свесив ноги с койки, и уставился на свои ладони, покрытые застарелыми мозолями от копья.

— У меня такие же мысли были, друг. Но полновесная фаланга в шестнадцать синтагм, четыре тысячи отборных воинов, не смогла сходу даже приблизиться ко рву. Всё потому что у полосатых было оружие, поражающее издалека.

— Какое? — Минотавр в раздумии приложил руку к подбородку, — Никто во всем мире не сравнится с нашей фалангой в прямом бою. Тяжелые метательные машины за холмом? Помню дрались с горбатыми, у них механизмы из хитрого переплетения воротов и веревок метали бочки наполненные камнями, каждая размером с повозку. Но они ведь неповоротливы и не могут нацелиться в другое место. Достаточно бегом пробежать опасный район, к тому же летучие наемники могут быстро сжечь такие огромные и уязвимые сооружения. Как они сумели вообще нанести нам такой вред?

— Это были не метательные машины, по крайней мере не те к каким мы привыкли. Мне пришлось отдать этому пернатому паршивцу почти половину месячного жалования... Гляди.

С этими словами Архелай протянул руку под подушку и извлек оттуда кожаный мешочек, в каких обычно хранят личную печать и несколько монет на всякий случай. Развязав шнурок он перевернул мешочек над ладонью, и в неё упал маленький синий шарик размером с ноготь. Шарик был твердым и прозрачным, как будто бусина из синего стекла. Вслед за шариком на ладонь упал искореженный кусочек металла примерно тех же размеров.

— Это снаряды для пращи? — недоуменно спросил Диадор, взвешивая «стеклянный» шарик на своей ладони, — с каких пор полосатые научились ими пользоваться? В любом случае, даже я не смог бы метнуть его так сильно чтобы пробить нагрудник. В чем здесь подвох?

— Вот это, — Архелай указал на кусочек металла, — есть снаряд. А вот это, — он указал на стекляшку, — и есть то что метает. У них было что-то вроде толстых металлических трубок. Вот в такую трубку сначала кладется синий шарик, потом вот этот металлический снаряд. С одной стороны трубки есть некий механизм который что-то делает с синим шариком внутри неё. Посыльный не смог разглядеть что именно там происходит, слишком было далеко. Полосатый ставит трубку на треногу, нацеливает её, и...

Минотавр вздохнул и щелчком пальцев отправил кусочек металла вглубь палатки.

— Я понял принцип, — вполголоса сказал Диадор, — северные наёмники как-то, пару лет назад, привезли на дирижабле огромную бомбарду, при выстреле она сразу взорвалась и поубивала их самих. Но она была размером с дом, заряжалась целых два часа, и загружали туда какие-то вонючие бумажные кульки, а не синий камень.

— Как видишь, в нашем случае это что-то другое. Трубка с помощью «синего камня» стреляет вот этим кусочком металла с такой силой, что он пробивает всё. Щиты, нагрудники, воинов. Посыльный сказал что целые лохосы фаланги падали от одного выстрела, пробитые насквозь. А этих трубок у полосатых там было много, мой друг. И заряжают они их очень быстро.

— И что же, — лицо минотавра вдруг приобрело виноватое выражение, — мы... Мы проиграли битву?

Архелай вздохнул, взял у собеседника синий шарик и аккуратно спрятал обратно в мешок. Затянув шнурок, взвесив мешочек на ладони и некоторое время подумав, минотавр фыркнул и метко бросил его в помойное ведро у входа в палатку.

— Не говори ерунды, проиграть? Этим? Они успели сделать десяток залпов, потом правый фланг сокрушил их оборону, полемарх тут же направил в брешь колесницы, и полосатые дрогнули, побросав все свои пожитки. Да это и не особо важно. — Минотавр положил ладонь на плечо оторопевшего Диадора и посмотрел ему прямо в глаза, — Мы не проигрываем битв, мой друг. Так было и так будет. Никто во всем мире не сравнится с нами в бою. А для остального у нас всегда найдется решение. Где белые собаки которые кидались жидким огнём с тех маленьких воздушных змеев? Где хряки в пёстрых балахонах которые обрушивали на нас едкую воду из порталов? Все они сейчас платят нам золотом, а их учёные трудятся в центральных полисах на островах метрополии. Это правда, что новое оружие всегда вызывает шок поначалу, но наш стратег и наши полемархи не идиоты, мы не будем ходить строем на верную смерть, они что-нибудь придумают.

— Кажется я догадался к чему ты ведёшь. Нас отозвали для того чтобы научить как воевать с полосатыми и их новым оружием?

— Я уверен в этом. — Архелай откинулся на койке, закинув руки за голову, — а теперь давай-ка отдыхать. К утру свернёмся и возьмем колесницу к летучей скале, сядем на дирижабль до островов. К навозу эти галеры с их качкой и постоянным барабанным боем от которого рога трещат.

— Надеюсь это будут новые крепкие щиты или доспехи, а не какие-нибудь глупые трубочки которые нужно издавдалека направлять на врагов. — сказал Диадор, приглушая свет масляной лампы, — Это выглядит по-дурацки, мне пневматических сарисс хватило. Вот выдумают же...

Монотонный гул сотен голосов в сердце Империи минотавров — огромном круглом зале Толоса, напоминал обычный шум на рыночной площади. Сплошное одеяло звуков, сотканное из выкриков, шепота, брани, шороха неудобных одежд и разворачиваемых свитков. Сквозь весь этот бедлам пробивался даже протяжный звук храпа: на самом дальнем ряду какой-то очень престарелый минотавр с длинной белой бородой успел уснуть, согнувшись в три погибели и положив подбородок на клюку.

Несмотря на строгий классический стиль архитектуры со множеством огромных колонн, здание изнутри слабо освещалось электрическими лампами в изящных латунных абажурах, свисающими откуда-то с потолка на длинных проводах в тканевой оплётке. Лампы светили неровно, мигая время от времени, и тем самым дополняя без того пёстрый звуковой фон своим слабым жужжанием. Из-за того что в узких вертикальных окнах вместо стёкол располагались витражи, выполненные из толстых цветных кусочков какого-то камня, в зал практически не попадал солнечный свет.

Трибуны, расположенные полукругом на манер театра, заполняла разношерстная толпа из нескольких сотен граждан, избранных когда-то жребием быть представителями различных социальных слоев и областей Империи. Длинные мраморные скамьи трибун находились в полумраке, так что многим из находившихся там минотавров приходилось украдкой зажигать специальные маленькие свечи чтобы прочесть что-либо. Центральная же часть Толоса напротив располагалась под

электрическим светом трёх огромных зеркальных прожекторов, каждый из которых управлялся целой командой осветителей находящихся на головокружительной высоте под самой крышей зала. Хотя, большая часть из них была вооружена одними маслёнками и занята непрерывной смазкой шарниров на поворотных механизмах, для того чтобы те не издавали даже малейшего скрипа.

Ложь архонтов, расположенная отдельно от основной трибуны и защищенная от неё тканевым козырьком, также находилась в полумраке. Один из прожекторов освещал пятно отполированного тысячами ног и копыт мраморного пола прямо перед ложей, там где обычно стояли просители или подсудимые. Сейчас там никого не было, но постоянное освещение этого места было традицией. Второй прожектор смотрел на небольшой песчаный круг прямо перед трибунами, похожий на ринг для борьбы.

Третий же был направлен в самый центр зала, там где располагалась «сцена». На большой полукруглой площадке, покрытой затейливой мозаикой, стояло что-то вроде деревянного верстака, на котором покоился продолговатый металлический ящик похожий на кофр для объемного музыкального инструмента. Все поверхности ящика, снабженные множеством лючков и дверок разного размера, были увиты жгутами проводов и непонятными трубками. Почти всё это хозяйство сходилось к рукоятке на задней верхней части устройства, рядом с которой располагалось что-то наподобие панели управления с несколькими переключателями. На самой рукоятке находилась только одна механическая гашетка, закрытая предохранительной скобой.

На расстоянии десятка шагов перед ящиком была выстроена еще одна деревянная конструкция с толстым кованым листом железа закрепленным посередине. В железе зияла большая сквозная дыра с оплавленными краями. Мраморная стена, находящаяся позади железного листа, была наспех занавешена куском ткани из-под которого поднимался слабый белый дымок.

Тяжелый полог главной входной группы распахнулся, впуская в зал вереницу из десятка архонтов в ореоле солнечных лучей с улицы, нестерпимо ярких после слабого электрического освещения. Стоящие у входа стражники мгновенно вскинули буцины и дали официальный сигнал, знаменующий окончание перерыва. Вслед за сигналом буцин, который больше походил на крики умирающих слонов, где-то за кулисами заиграл огромный гидравлос, исполняя традиционную мелодию открывающую заседания по политическим и военным вопросам. Протяжные звуки гидравлоса продолжалась как раз столько, сколько потребовалось архонтам чтобы вальяжно расположиться на своей ложе, а стражникам более-менее утихомирить трибуны.

В песчаном круге, освещенном вторым прожектором, появились слуги. Один из них, ловко орудуя маленькими граблями, разровнял песок и убрал с него несколько огрызков, которые каким-то образом долетели сюда с трибун. Второй выставил по обеим сторонам круга по бронзовому кувшину с водой. Как только слуги покинули круг, из густых теней с противоположных сторон в него вступили две фигуры. Первый был настолько огромен и толст, словно под складками одежд у него было спрятано еще трое взрослых минотавров. Когда он тяжело ступал по кругу его копыта почти полностью проваливались в песок. Минотавр непрерывно сопел и вытирал пот со лба

складками своего богато украшенного красной и золотой вышивкой гиматия, хотя это почти не помогало, пот буквально капал с золотого кольца у него в носу. Пройдя по кругу несколько шагов он остановился и, прищурившись от яркого света.

Вторым вступившим в круг был стратег. Облаченный в обычные белые одежды, старый воин держался так словно всё вокруг его в крайней степени раздражало. Высокое положение минотавра выдавал только потертый бронзовый венец на голове, у которого было погнуто несколько листьев: свидетельство того что эта вещь гораздо чаще валялась по сундукам, чем носилась на голове в официальных случаях. Стратег коротко кивнул своему обширному оппоненту и они оба повернулись в сторону ложи. Из-за слепящего света прожектора стоящие в круге не видели ни трибуны, ни архонтов, сощурившись можно было разглядеть лишь темные силуэты в глубине ложи, да богато украшенные чаши с напитками, стоящими на столе перед ними. Изредка из тени появлялась чьи-нибудь рука, брала чашу и ставила обратно, либо делала какой-либо знак для слуги.

— Господин стратег. — донеслось из ложи. Стратег коротко поклонился, взглянув на песок и заметив в нём косточку от оливки, которую пропустил слуга, — Господин полемик, — снова послышался голос архонта.

— Священный Ареопаг. — сказал полемик, тоже поклонившись. При этом с кольца в его носу на песок упало несколько крупных капель пота. Поморщившись, он разбросал в этом месте песок копытом и направился поближе к кувшину с водой.

— Господин полемик, вы в состоянии продолжать?

— Безусловно, господа архонты.

— Господин стратег всё еще не желает прибегнуть к услугам собственного полемика?

— Благодарю, господа архонты, я по-прежнему буду представлять позицию ведомства самостоятельно.

— Полемика продолжается, — громко объявил другой архонт, сделав неопределенное движение рукой, вытянув её в свет прожектора над столом, — и, чью бы сторону сегодня не принял Священный Ареопаг, пусть это послужит Империи наилучшим образом.

Вслед за этим по залу, постепенно затихая, прошла волна шорохов, шепота и покашливаний: присутствующие устраивались поудобнее на своих местах. Хотя, учитывая твердость мраморных скамеек, это было сделать не так то просто. На краю левой части трибун стражник древком копья щелкнул по рогам паре минотавров, затеявших шепотом какой-то спор. Как только в Толосе стало более-менее тихо, полемик вздернул подбородок и отточенным театральным жестом простер к Стратегу руку открытой ладонью вверх.

— Господин стратег. Пожалуйста, повторите последний аргумент.

Голос полемика, неожиданно глубокий и звучный, сильно контрастировал с его внешностью и манерой нервно прикасаться к голове полотенцем. Стратег в последний

раз посмотрел на косточку от оливки, затем, бросив взгляд на ящик, установленный на «сцене» Толоса, обратился к полемике.

— Наша армия по численности как минимум вчетверо превосходит их ополчение, — начал минотавр, поправив бронзовый венец, — мы в состоянии справиться текущими силами. Мы сможем разбить их точно так же, как делали это в предыдущих кампаниях со всеми кто смел оказывать нам сопротивление.

— Мы уже провели с ними три сражения.

— В которых однозначно победили! И даже притом что, согласно докладу уважаемых ученых, мы не знаем как работают синие камни, но это не имеет значения, потому что мы можем захватить рудники где их добывают, лишив врага всякого преимущества.

— По данным лазутчиков, — полемик не глядя протянул руку куда-то за пределы светового круга. Спустя секунду он извлек из густой тени большой лист пергамента, на котором была изображена карта с пометками, — рудники находятся в глубине пустынных территорий. Пока мы туда пробьемся пройдет еще не одна битва. К тому же, судя по возрастающим потерям с нашей стороны, враг начинает всё лучше управляться со своим новым оружием. Ваши «победы» уже заставили метрополию второй раз за год объявить воинский набор в полисах. Еще одна такая бойня и придется отзываться ветеранов с пенсий. Это приведет к народным волнениям, чего не было уже много десятилетий.

— Нам предстоит завоевание огромной пустынной территории, на которой нет судоходных рек! Об этом знают даже дети, и любой гражданин может сложить в голове два плюс два, догадавшись что увеличение армии нам нужно для того чтобы надежно охватить всю территорию, сразу же осадив ключевые города, а не для того чтобы спешно латать дыры в строю фаланг!

— В вашей позиции, как всегда, есть мудрость, господин стратег. — Полемик уважительно поклонился, — Однако, вы слишком переоцениваете мыслительные способности нашего дорогого народа, для преумножения благополучия которого мы все здесь служим. Вы ведь прекрасно знаете что применив логику можно убедить одного, пять, десять граждан. Но никак не сотни тысяч. А среди этих сотен тысяч прямо сейчас, в эту минуту, распространяются слухи о наших ужасающих потерях в прошедших битвах. И объявив внеочередной воинский набор мы окончательно подтвердим всё это. А что потом? Потом мы, может статься, случайно проиграем...

— Не забывайте, господин полемик! — вдруг в гневе выкрикнул один из архонтов, ему вторили еще десятки глоток с задних рядов трибун. Полемик испуганно всплеснул руками и поклонился так низко, как позволяла его тучная комплекция. Среди затихающих выкриков снова послышался протяжный храп старого минотавра с задних рядов, но на него уже не обращали внимания.

— Прошу прощения, мысль завела меня непозволительно далеко. Я хотел сказать, что результаты какой-нибудь битвы могут оказаться, эээ, неоднозначными для стороннего наблюдателя... И всё покатится словно песчинки со склона бархана. В колониях начнут шептаться, начнут задумываться «а так ли сильны сейчас могучие минотавры, может быть за прошедшие десятилетия всё изменилось?».

В зале снова поднялся шум множества спорящих друг с другом уважаемых граждан. Воздух над трибунами наполнился огрызками фруктов и косточками от оливок, кто-то схватил оппонента сзади за рога, что считалось крайне неприличным. Престарелый минотавр с длинной белой бородой, внезапно проснувшийся среди всей этой тавромахии, мгновенно сориентировался в ситуации, удивительно резво вскинул клюку и начал душить ей ближайшего соседа. По усталому мановению руки одного из архонтов в зал быстро вбежал дополнительный отряд стражи, который со знанием дела рассредоточился по трибунам, успокаивая спорщиков ударами и тычками древков копий.

Обильно потеющий всё это время полемик воспользовался выдавшейся заминкой чтобы, с помощью слуги, утереться большим полотенцем и выпить целый кувшин воды. Стратег всё это время стоял на своем месте, чуть опустив голову и хмуро глядя в пустоту. Протянув руку к собственному кувшину с водой он вдруг встретился взглядом с полемиком, который нервно улыбнулся и тут же отвел глаза.

— Режим секретности, установленный в войсках, не даст... — начал было стратег когда в зале стало немного тише.

— Но он не работает. — отрезал полемик, высоко вздернув подбородок, — Вы правда думаете что в наше время, когда пересечь континент за пару дней не составляет никакого труда, можно сохранить подобное в тайне?

С видимым усилием пошевелив складками своего обширного гиматия, полемик извлек оттуда маленький синий шарик, похожий на крупную стеклянную бусину. Зажав его между большим и указательным пальцами, он поднял руку так чтобы шарик оказался в луче света от софита и его увидели все находящиеся в зале. Стало слышно как десятки минотавров подались вперед чтобы получше разглядеть диковинную вещицу. Тут же послышалась брань: кто-то в потёмках наткнулся на рог сидящего спереди.

— Знаете что это? — Продолжил полемик, выдержав паузу, — Думаю все здесь уже в курсе. Знаете как это ко мне попало? Нет, не из далекой южной страны. Эту вещь продавал недалеко отсюда, на агоре, какой-то оборванец, за жалкие гроши. Его конечно уже допросили, он не знает принцип действия этой вещи, однако он точно знает что это часть какого-то оружия которое уже сейчас с такой лёгкостью убивает наших могучих воинов на полях сражений. И, на самом деле, даже не важно как она быстро сюда попала. Вы, господин стратег, предлагаете обманывать наших граждан, притворяясь что всё хорошо.

— Этот обман ничто, по сравнению с тем что нас ждёт, если мы развернем производство тараксиппов, и уж тем более если начнём их применять!

— То есть вы предлагаете пожертвовать сотнями и тысячами жизней славных воинов, просто потому что кому-то может не понравиться наше излишне мощное оружие? Оружие, — полемик широким жестом указал на установку посреди зала, — неоспоримая эффективность которого вам всем была продемонстрирована. Которое

уже сейчас готово обеспечить сокрушительный ответ врагу. Более того, если выкладки господ ученых правдивы, использование тараксиппов позволит сократить численность армии, впервые за всю историю нашего славного государства. Мы сможем распустить по домам, — полемик сверился со свитком, вовремя подсунутым слугой, — до тридцати процентов пехотных частей. Мужья, сыновья и братья вернутся домой, они станут торговцами, ремесленниками, мыслителями! Это позволит сократить размер собираемого фороса и перенаправить денежные потоки туда где они действительно необходимы, на здравоохранение, на искусство, на строительство в метрополии! Мы покорим эту злосчастную пустыню, уничтожим рудники синего камня, и тогда во всём мире не останется ни одной силы, способной противостоять нам! Пограничные столбы на западной границе давно уже сгнили от старости, время обновить их, и при этом не забыть переставить подальше!

Последние слова полемика утонули в бурных овациях, даже стражники не стали подавлять эту всеобщую какофонию, а некоторые из них присоединились к галдящим трибунам, стуча древками копий по мраморному полу. Несколько пожилых минотавров с передних рядов попытались, было, докричаться до Ареопага с какими-то возражениями, однако во всеобщем помешательстве их быстро усадили на место тумачами и летящими фруктовыми огрызками.

Стратег некоторое время до рези в глазах всматривался в ложу архонтов, хотя сам толком не понимал что надеялся там увидеть. Через мгновение он уверенным движением извлек из одежды широкий кинжал, при виде которого полемик испуганно попятился и грузно упал на задницу, взметнув копытами фонтан песка. Но минотавр, выбросив ножны, направился не в сторону своего оппонента, а к мозаичной «сцене» посреди Толоса, на которой был установлен деревянный стенд с тараксиппом. Ближайшие стражники, сорвавшиеся, было, со своих мест, нерешительно остановились на полпути, не зная как действовать в этой ситуации.

Подойдя к установке, стратег быстро оглядел её со всех сторон, а затем подцепил кинжалом самую большую дверцу в верхней части. Поводив лезвием кинжала вдоль краёв, минотавр нащупал внутренние замки и взломал их одним сильным движением. Подпружиненная дверца мгновенно открылась, а внутри тараксиппа мигнула и погасла маленькая электрическая лампочка.

Когда в руках стратега появился кинжал, шум в зале начал волнообразно стихать.

Когда стратег вскрыл дверцу установки, шум превратился в удивлённые возгласы и перешептывания.

Когда стратег, подняв голову и с вызовом взглянув в сторону Ареопага, вдруг пнул установку в бок, в зале воцарилась почти полная тишина.

Тараксипп с грохотом завалился в сторону трибун, а из открытой дверцы на мозаику выпал единорог синего цвета. Пони по инерции тяжело перекатился на другой

бок и замер в полушаге от установки. Его голова была гладко выбрита, а на бедре можно было различить изображение подсолнуха.

— Ну!? — вскричал стратег, широко разведя руки и отбрасывая в сторону кинжал, который тут же подобрал стражник, — Вы действительно хотите вооружить наши войска вот этим?! Там внутри живые пони! Думаете они там добровольно? Вы хоть на секунду задумайтесь, — произнося эти слова минотавр с силой постучал указательным пальцем по лбу, — что последует как только весь мир об этом узнает? Это полностью уничтожит всю нашу внешнюю политику! От нас отвернутся все, даже наша могучая Империя не выстоит против всего мира! Это правда, нам сейчас тяжелее чем когда-либо, но мы должны преодолеть это не прибегая к таким... К такой мерзости! Это черта через которую нельзя, ни в коем случае нельзя переступить!

Последние слова стратег буквально кричал. Зал Толоса, спроектированный таким образом, чтобы любой шепот в одной его части был хорошо слышен в другой, дрожал от громкого и хорошо поставленного командного голоса минотавра. Из тени появился слуга с символикой ученых на одежде. Подойдя к неподвижно лежащему на мозаике единорогу, он завернул его в кусок ткани, поднял на руки и снова ушел.

Тем временем полемик, справившийся с испугом, закричал, поднимаясь и кое-как отряхиваясь от песка. Отогнав не слишком расторопного слугу он прочистил горло и повернулся в сторону ложи Ареопага.

— Я думаю, всем стоит...

— Мы более не нуждаемся в ваших услугах, господин полемик. — резко бросил один из архонтов. Тучный минотавр вздрогнул и замер на пару мгновений.

— Как пожелаете. — произнес он, затем медленно поклонился поочередно Ареопагу, трибуне и стратегу, чей наполненный злобой взгляд метался по всем присутствующим. Пока слуга подбирал опрокинутый кувшин и полотенце, полемик неспешно и с достоинством скрылся в тени за пределами песчаного круга, закинув на плечо гиматий.

— Священный Ареопаг благодарит вас за мудрые и логичные аргументы, высказанные в полемике, — дежурно объявил другой архонт, обращаясь в пустоту, — они будут всесторонне обсуждены, взвешены и оценены во время закрытого совещания. Да послужит наше решение Империи наилучшим образом.

Архонты начали покидать ложу, а зал снова заполнил монотонный гул сотен голосов: выкрики, шепот, брань, шорох одежд и сворачиваемых свитков. Послышался храп старого минотавра на заднем ряду, у которого стража отобрала клюку и он спал просто откинув голову назад. Какие-то шутники уже насадили на острия его рогов пару оливок. Стоящие у входа почетные стражники, спохватившись, снова дунули в буцины, оглашая отбытие Ареопага знакомыми всем силлыми звуками.

Казалось, присутствующие уже забыли произошедшее несколькими минутами ранее: среди праздной болтовни и взрывов смеха на трибунах угадывались веселые обсуждения куда бы пойти после окончания нудного мероприятия — в бани или на

спортивные состязания. В лучах света сновали слуги, деловито орудуя граблями и метёлками.

Никто толком и не обратил внимания когда и куда ушел стратег, кроме одного из стражников который догнал минотавра у бокового выхода, виновато протягивая кинжал, уже вложенный в найденные на песке ножны. Сунув кинжал за пазуху и кивнув воину, стратег откинул в сторону полог на дверном проеме и скрылся в узком коридоре, непривычно прохладном и тихом после духоты и постоянного шума Толоса. Погрузившись в собственные мысли, стратег быстро шагал по хитросплетениям полутёмных коридоров со множеством боковых комнат, большинство из которых, за ненадобностью, были заперты десятилетиями.

За очередным поворотом минотавр вдруг наткнулся на полемика. Тот сидел на небольшом складном табурете, наверняка сделанном на заказ из какой-то особо неразрушимой породы дерева. Перед полемиком на полу расположился слуга, ловко избавляя копыта господина от песка специальной маленькой щеточкой.

— О, владыка... — полемик попытался поклониться не вставая, но предупреждающий скрип табурета заставил его замереть и вернуться в более-менее вертикальное положение.

— Надеюсь я не слишком вас напугал своим представлением, — выдохнул стратег, сделав рукой движение означающее что приветствие не требуется. Секунду поразмыслив, минотавр прислонился спиной к прохладной стене коридора, сложенной из больших, грубо отесанных каменных блоков: подсобные помещения не удостоились такой строгой и богатой мраморной отделки как главный зал.

— Что вы, это было очень... Впечатляюще. — сказал полемик, — Хотя признаюсь что на пару мгновений действительно решил что вы намереваетесь меня резать, прямо как делалось в песчаном круге в старые времена. Впрочем, для того чтобы вести за собой войска целой Империи, способность произносить настолько примечательные речи просто необходима.

— До вашего мастерства мне всё равно далеко, — отмахнулся стратег, — вы разбили меня в пух и прах, заставив в конце концов потерять самообладание.

— Благодарю, господин стратег. Это всё же моё ремесло, и я стараюсь поддерживать квалификацию. Впрочем, немалый вес моим словам придали беснующиеся трибуны. Иногда в этом деле достаточно говорить лишь то что другие хотят услышать. Настолько мерзкий популизм это далеко не вершина ораторского искусства, но для подобной аудитории достаточно и такого нехитрого подхода.

— И вы, конечно же, не верите в сказанное сегодня.

— Ну еще чего. — фыркнул полемик, — Если бы я каждый раз всем сердцем верил в то что говорю в песчаном круге, я бы давно свихнулся, или того хуже, подался бы в политику. Я, как и любой наёмный полемик, всего лишь инструмент выражения позиции моих нанимателей. Можно сказать, пока я в круге, мои уста мне не принадлежат. — Минотавр вдруг нахмурился и возвел очи горе, — Я сейчас сказал что-то не очень хорошее, нужно будет запомнить и избегать этого выражения.

На несколько минут в коридоре воцарилось молчание, нарушаемое только шорохом щётки в руках слуги, который максимально замедлил свою работу, наверняка зная что господину требуется предлог для того чтобы остаться на месте и продолжать беседу. Из-за поворота в дальнем конце коридора вразвалочку вынырнули двое стражников, наверняка направляясь к какому-то подсобному помещению чтобы подремать пару часов вдали от глаз сотника. Завидев стратега они вытаращили глаза, мгновенно вытянулись и стукнули копытами о пол, одной рукой прижав к бокам копыа, а другой выполняя воинское приветствие. Стратег небрежно отсалютовал в ответ, а затем чуть наклонил голову, глядя на воинов, недвусмысленно показывая что от них требуется немедленно исчезнуть.

Минотавр промедлил пока не затихло тяжелое цокание копыт стражи за углом и глубоко вздохнул, снова прислонившись к стене.

— Тогда, к примеру, какое бы решение по данному вопросу приняли лично вы, господин полемик? — спросил он, — Я знаю что профессиональная этика запрещает вам обсуждать подобное вне песчаного круга, но...

— А посыльным пегасам она запрещает оставаться на поле боя после начала сражения, — ядовито проговорил полемик, — но если бы они не плевали на эти устои и не глазели на битвы с какого-нибудь облака, разве кому-то стало бы хуже? Зато мы бы точно лишились множества увлекательных баек и историй.

— Как минимум у нас было бы больше времени на принятие решений, потому что весть об этой синей дряни не появилась бы в метрополии так быстро.

— Её бы всё равно привёз на дирижабле какой-нибудь дурачок-десятник прилетевший в отпуск. Двумя или тремя днями позже, всё равно. — Полемик вдруг развернулся на табурете в сторону стратега всем телом, подперев бок одной рукой, а другую спрятав за пазуху, в многочисленные складки своего одеяния, которое наверняка можно было бы перешить в полноценные хитоны для десятка обычных минотавров, — Вы спрашиваете что я думаю?, — он чуть понизил голос, — Я думаю что великая Империя с треском рухнет еще до конца наших с вами коротеньких жизней. И будет великой удачей, если нам позволят остаться в границах метрополии.

— Вы сейчас ступили на очень зыбкую почву, господин полемик, — нахмурился стратег.

— О, отдаю себе отчет в том что говорю, — минотавр отмахнулся, — и я уверен что вы не тот кто сразу потащит меня в пыточную. К тому же я вряд ли захочу пойти туда своими ногами, поэтому придётся для начала подогнать повозку с прочным грузовым краном.

Слуга на полу издал непонятный хрюкающий звук, после чего инстинктивно вжал голову в плечи ожидая подзатыльника.

— Время империй прошло, — грустно продолжил полемик, — между разными странами, которые еще недавно точили друг на друга зубы, укрепляются связи на всех уровнях. Дирижабли, железные дороги, новые торговые пути... И только мы одни до

сих пор активно воюем. Возможно последние на целом свете! Грезим о каких-то завоеваниях. Да кому они нужны? Зачем мы, например, полезли в эти пустыни? Любую интересующую нас вещь из тех земель можно купить или выменять. Зебры бы с радостью отдали нам целый вагон этого несчастного синего камня, у нас есть тысячи вещей и услуг которые мы можем предложить взамен. И мы могли бы получить от них не только синие стекляшки, но и множество других полезных товаров. Говорят, в их стране делают какой-то хитрый чай от которого проясняются мысли... Но нет, — полемик начал тыкать воображаемым копьем, — вместо товаров или специалистов мы отправили туда фаланги, также как поступали наши, без сомнения, прославленные отцы, деды и прадеды. Ведь «минотаврам нет и не было равных в бою».

— Надеюсь вы не злоупотребляете неразбавленным вином, господин полемик, с такими мыслями между рогами это самоубийство. — проговорил стратег, когда его собеседник замолчал, тяжело дыша и часто обтирая раскрасневшееся лицо. Слуга на полу перед ним продолжал максимально медленно орудовать щеткой, всем своим видом показывая что не слышит ничего интересного.

— Я в курсе что уже наговорил здесь на две казни в медном быке, и еще на полугодовые колодки впридачу, — полемик с озорством в глазах неопределенно мотнул головой куда-то в сторону, — но раз уж начал...

— Даже такой армейский дуболом как я уже успел догадаться что вы неспроста решили расположиться именно здесь, там где я обычно ухожу с Толоса в казармы, — сообщил стратег, непринужденно оглядываясь в оба конца коридора на предмет лишних ушей.

— Ваше постоянство в привычках многим кажется как недостатком так и достоинством... Так вот, владыка, вы знаете что будет когда там, за горами на западе, узнают что мы их собратьев в ящики пихаем? — полемик выразительно взглянул на собеседника, — Вы хотя бы знаете как у них там всё устроено? Есть ли у них армия, как они воюют? Думаете они сражаются как зебры, как олени, или как белые собаки? Сражаются ли они вообще? Что нас ждёт когда всё раскроется?

Стратег потёр подбородок, — Их страна, насколько я помню, такая же древняя как и наше государство, — пожал он плечами, — без сильной армии они бы не продержались так долго, особенно в старые лихие времена. Но, на моей памяти, и при моих известных предшественниках, они никогда не фигурировали в докладах полемархов, и никогда не рассматривались как угроза. Именно поэтому у западных гор нет даже пограничных крепостей.

— Сплошные предположения, — быстро отмахнулся полемик, — всё потому что их страна слишком далеко, где-то там за горами, которые выбраны границей нашей Империи на ближайшую сотню лет. Поставили столбики по перевалам и успокоились, «воевать в ту сторону пока не пойдём, поэтому не интересно что там творится». Но, повторюсь, как только там узнают что мы сделали — будьте уверены, они сами придут к нам. И это будут не дирижабли с путешественниками, как сейчас.

По коридору прокатилась волна протяжных звуков, в которых с трудом всё еще можно было узнать церемониальные буцины. Вслед за ними потекла куда более приятная слуху мелодия гидравлоса, которую почти сразу заглушил равномерный шум

создаваемый сотнями минотавров: уважаемые граждане спешили покинуть надоевший зал Толоса и при этом уже не беспокоились о возможности за излишнюю шумность получить по рогам от стражника.

При первых же звуках буцин слуга полемика, как по команде, закончил свою работу, быстро прибрал за собой и отошел в сторону, дав господину места для того чтобы встать. Стратег приподнял бровь, отдавая должное тому как точно полемиком было выверено время на этот «случайный» разговор.

— Ну, что ж, — полемик, натужно пыхтя, поднялся с табурета, разом заполнив собой почти весь узкий коридор, — вот мудрейшими и принято решение о неограниченном применении нашего нового оружия. Которое послужит Империи наилучшим образом, само собой! — полемик поднял вверх указательный палец, многозначительно взглянув на слугу, — думаю и нам пора бы уже закругляться. Господину стратегу наверняка еще нужно будет провести какие-нибудь сопутствующие военные совещания, а у меня вечером запланирована полировка рогов.

— Вы подозрительно твёрдо уверены в решении, принятом Ареопагом, — бросил стратег вдогонку, заставив полемика замереть в коридоре.

— Я думал вам и самому должно быть всё ясно. — С неожиданной усталостью в голосе ответил минотавр, — Здесь изначально нет и не было никакой интриги. Эта кучка болванов не раздумывая проголосует за то что обещает Империи если не больше величия, так хотя бы продолжение старых традиций. А уж если это посулит дополнительные деньги, то у-ух... — минотавр покачал головой, — уверен архонты всё это время не разбирали аргументы нашей полемики, а обсуждали на что бы потратить высвободившиеся проценты налогов. Даже если среди них и найдется один-два здравомыслящих, толку от этого не будет. Это решит проблему? Да. Это не противоречит славным традициям? Нет. Это не преуменьшит состояния олигархии и не затронет народ минотавров в целом? Нет. — полемик картинно пожал плечами, — Значит принято.

— И какого же, по-вашему, решение ситуации? Ведь любому ясно что таким образом можно свести всю Империю на погребальный костер.

Полемик словно ждал этого вопроса. Он обернулся так резко, что жировые складки, двигаясь по инерции, на миг исказили его лицо.

— С нынешними многочисленными правителями нашего славного государства любые усилия бесполезны, — начал он быстрым громким шепотом, — любые смелые инициативы сразу разобьются о сотни твердых лбов на слушаниях в Толосе, а затем растворятся в сотнях соловельных глаз там же. Сейчас просто не существует никого кто мог бы единолично принять волевое решение, пусть непопулярное, пусть вредящее устоявшейся этнократии минотавров, но способное в нужный момент спасти страну. — Голос полемика стал еще тише, а воротник его туники был уже насквозь пропитан потом, — И сейчас самое время ему появиться.

— Предлагаете разом отринуть сотни лет развития нашей политической системы чтобы возвести на трон обыкновенного тирана? — минотавр снисходительно

улыбнулся, — И кто же это будет?

— Вы, господин стратег. — полемик словно пересказывал заученный текст. Возможно, так оно и было, — Вас любят в народе, воины пойдут за вами хоть в Тартар, и, самое главное, вы знаете что должно сделать. Едва ли в ближайшую сотню лет найдется более подходящая кандидатура. Если вы боитесь за традиции, что безусловно достойно понимания, вы всегда сможете сложить с себя полномочия после окончания кризиса, и созвать новый демократический орган власти. У вас в руках все нужные инструменты для подобного замысла: достаточно ввести в главные полисы некоторое количество самых верных войск, и у граждан не останется иного выбора кроме как признать вас импе...

Стратег резко поднял руку ладонью вперед, заставив собеседника запнуться и замолчать с открытым ртом.

— Я не буду этого делать, полемик. — минотавр медленно покачал головой, — Судя по всему вы долго готовились к этому разговору, но он ни к чему не приведет. Я солдат, а не политик. Моё дело распоряжаться войсками и выигрывать битвы, а не драть глотку в Толосе, решая с кем их начинать. Подобный военный переворот приведет к множеству жертв в полисах, и однозначно будет воспринят потенциально-мятежными колониями как сигнал к действию. Я давал присягу, где прямым текстом говорится о том что моя обязанность защищать каждую жизнь Империи, и не только граждан, но и всех тех кто живет и работает в полисах, тем самым преумножая...

— Не надо цитировать мне этот текст, — полемик тяжело выдохнул и опустил плечи, — его писал мой наставник, я помню его наизусть. И знаете что, господин стратег? Присяга не помешала вам час назад убить одного из тех, кто давным давно приехал в полис чтобы «жить и работать, преумножая». Тот единорог из установки, столь эффектно использованной вами в качестве аргумента. Наверное, у вас не было времени полностью прочесть сопроводительные свитки, но, по неким причинам, любое вскрытие тараксиппа ведёт к гибели его главного компонента. Хотя, — полемик, уже уходя, задумчиво склонил голову набок, — наверняка смерть спасла его от чего-то страшнее.

Стратег еще долго оставался на месте, прямо посреди коридора. Редкие слуги и стражники, решившие двигаться этим путём, только завидев фигуру владыки, быстро разворачивались восвояси. Когда над полисом взошла луна, в коридоре уже никого не было, лишь глубоко за полночь пришел слуга с ведёрком и тряпкой для того чтобы оттереть с каменной стены кровавые подтёки там, куда стратег в исступлении молотил кулаком.

— Всем всё ясно? Есть вопросы? — Диадор обвёл взглядом множество воинов, стоящих плечом к плечу в большой штабной палатке. Сам минотавр

возвышался над толпой, стоя на ящике для свитков. Хотя в таком положении он мог разглядеть каждого присутствующего, то что каждый присутствующий глазел на него в ответ доставляло почти физическое неудобство: многие из воинов были куда опытнее Диадора в бою, и почти наверняка думали: «что этот выскочка себе позволяет?». Хотя, судя по растерянному виду большинства из них, было сразу понятно почему они стоят там внизу. Потому что, даже будучи умелыми бойцами, они не имели фантазии. В фаланге вольность мысли не то что нужна, она даже вредна.

— Но почему мы не можем прямо сейчас сняться с места и просто войти в этот город? Ведь перед ним никого нет!

Диадор несколько мгновений изучал взглядом минотавра, решившегося задать вопрос, волновавший многих в палатке. Вспомнил его имя, из какого полиса его призвали, кто его отец. Этот воин совсем не был мягкорогим новобранцем, но после нескольких битв его отправили в какой-то гарнизон на метрополию, поэтому минотавр немало времени провел в почти что мирной жизни. Мышцы выглядели рыхлыми, шерсть на ногах была пижонски вычесана, а рога еще недавно побывали в руках полировщика. Нет, этот парень не был новобранцем, однако он воевал давно. Слишком давно. В те времена, когда битву можно было выиграть просто выдерживая строй и вовремя поднимая над головой щит. Также как выигрывали битвы его отец с дедом, и прочие уважаемые предки. Диадор почесал в затылке, он до сих пор не привык к тому что эти времена закончились буквально месяц назад.

— Ладно, слушайте еще раз! — воскликнул минотавр, — Я постараюсь объяснить понятнее. Что было на предыдущем штурме, месяц назад? Мы разбили их в предместьях, потом подступили к стенам, разрушили их осадными тараксиппами. Теперь мы подошли к следующему городу. Это не самое большое поселение у них, но за ним уже столица. И вместо того чтобы сходу идти на приступ мы должны ждать. Почему?

Диадор вскинул подбородок, приглашая кого-нибудь из присутствующих ответить на вопрос.

— Во-первых у нас, вроде как, больше нет осадных тараксиппов, вроде как... — начал минотавр в архаичном бронзовом шлеме, который он носил для того чтобы не пугать окружающих лицом, обезображенным едкой водой. Диадор на секунду опешил, увидев этого воина, ведь ветеранов начала той войны всегда старались держать подальше от действующей армии.

— Верно, их запасы окончательно подошли к концу, — сказал Диадор, снова собравшись с духом, — но стены можно разрушить и обычными тараксиппами, просто придется выкопать несколько осадных траншей, прямо как в старые времена, — раздалось несколько смешков, кто-то многозначительно ткнул соседа локтем, — Но это далеко не главное.

— Во-вторых, вроде как, — продолжил воин в шлеме, после того как оглянулся и осознал что стал голосом разума всех присутствующих, — с нами, вроде как, никто и не сражается.

— А! — Диадор указал на него пальцем, — Вот это и есть основная мысль, которую я пытаюсь вам втолковать. С нами никто не сражается, полосатые не организывают засад как раньше, их летучие застрельщики не устраивают ночных поджогов. Они даже ни разу не пытались сбить наш наблюдательный воздушный шар, хотя с их мощным стреляющим оружием это сделать проще простого. Вместо этого они просто отступили в город, который даже не готовят к обороне.

— Может они планируют сдаться, или отойти еще дальше? — предположил минотавр с обломанным у основания рогом, замененным полированной медной накладкой.

— За ними пустыня, так что отступить они могли бы только заранее подготовившись, подтянув обозы. — сообщил Диадор, — Но ничего подобного лазутчики не заметили. Отступать они не будут, как и сдаваться. У них была тысяча возможностей для сдачи, достаточно послать кого-нибудь с белой тряпкой.

— Вроде как, они что-то задумали. — Подытожил обезображенный минотавр и устало потёр глаза, глубоко погрузив пальцы в прорези шлема. Выглядело не очень вдохновляюще, и Диадор мысленно поблагодарил судьбу за то что участвовал в той войне ближе к концу, когда против едкой воды уже нашли действенную защиту.

— Вот именно поэтому мы будем ждать. Я понимаю ваше нетерпение... Полосатые бегут, потери после появления тараксиппов стали совсем незначительными, да и мало кому хочется сидеть здесь в дюнах и давиться чёрной похлебкой с песком. В любом случае у нас в лагере еще множество дел: колодец не выкопан, сторожевые вышки построены только наполовину. До тех пор пока полемарх со штабом не решат что делать дальше, мы найдем себе занятия, — минотавр вздохнул, — которые послужат Империи наилучшим образом.

Закончив фразу, Диадор отсалютовал присутствующим, дав понять что собрание закончено. Вполголоса переговариваясь, воины постепенно покинули палатку чтобы сообщить своим синтагмам последние новости. В их походке, и в том как они держались, явно читалось разочарование которое Диадор прекрасно мог понять. Этих минотавров, многие из которых были ветеранами, спешно собрали со всей метрополии только для того чтобы рыть колодцы и под палящим солнцем ходить в полной выкладке по тренировочным площадкам. Если раньше несокрушимые фаланги минотавров единым ударом обращали в бегство любого врага, то сейчас противник бежал уже после первых залпов тараксиппариев, неизменно чинящих страшное опустошение во вражеских рядах. А вся роль фаланги сводилась к тому чтобы стройным шагом пройти до противоположного края поля. Конечно может быть кто-то из фалангитов и роптал вслух, жалуясь на то что их славу крадут тараксиппарии, часто даже не двигавшиеся с места на протяжении всего боя, но это было скорее исключением. Среди простых воинов большинство понимало что без этого разрушительного оружия им пришлось бы идти прямо навстречу залпам зебринских стреляющих трубок, от которых не было никакой защиты.

В палатку гуськом вошли несколько слуг которые быстро начали готовить помещение для следующего мероприятия: менять керосин и масло в лампах, убирать мусор с пола, специальными длинными шестами открывать в крыше окна для проветривания, чтобы закрыть их через пару минут. В армейских помещениях минотавров, лишенных окон, всегда стояла духота, которая казалось приемлемой платой за защиту от лишних летающих глаз и ушей. Хотя, с тех пор как тараксиппы были впервые применены в бою, летающих курьеров никто не видел, а пернатым наемникам было традиционно плевать на такие скучные вещи как шпионаж или доставка донесений.

Собрав в охапку свитки с приказами и донесения от воинов, Диадор вышел из штабной палатки и, дождавшись пока очередной отряд пройдет мимо, свернул в сторону кузниц. У пышущего жаром горна какой-то мягкорогий подмастерье с усердием пытался придать куску железа форму солдатской подковы, но у него раз за разом выходило нечто похожее на крюк для пыток. Удостоверившись что подмастерье не обращает или не хочет обращать на него внимание, Диадор одним быстрым движением отправил весь свой ворох бумаги прямо в горн, где тот исчез без следа всего за мгновение, взметнув в дымоход тучу хлопьев черного пепла. Вовсе не потому что он ленился или хотел устроить какую-то диверсию, все командиры его ранга давно понимали что в руках пешего гонца, без летучих посыльных, корреспонденция будет двигаться к цели неделями. За это время в лагерь пару раз успеет наведаться связной дирижабль с военачальниками, которые смогут получить любые важные донесения из первых уст. Но в уничтожении этих бумаг была и кое-какая дополнительная цель. Ставка полемарха не узнает о том что после штурма предыдущего города два использованных осадных тараксиппа исчезли в неизвестном направлении.

Перед входом в свою палатку Диадор пару раз громко кашлянул, и только после этого взялся за тяжелый многослойный полог закрывающий вход, открыть который было целой головоломкой секунд на десять. Конечно, в таком климате хватало всего лишь пары слоев легкой ткани, но эта предосторожность была оправданной: лишним глазам нельзя было позволять увидеть то что находилось в палатке.

Там стоял наполовину разобранный тараксипп, рядом с которым сидел Архелай и озадаченно грыз какую-то щепочку.

— Пвифетстфую тебя, — тихо прошепелявил он, напряженно разглядывая гашетку тараксиппа, открученную от самого ящика и висящую на паре каких-то жгутов, — ну как пвофво?

— Как обычно. Насовали... — Диадор замолчал, увидев как его собеседник быстро приложил палец ко рту, а затем продолжил еле слышно, — ...насовали мне записок с просьбами перевести туда где идут бои. Кто ж им расскажет что бои сейчас идут только у нас. Если это вообще можно назвать боями.

— Ва уш. — Архелай вынул щепку изо рта и сунул куда-то рядом с гашеткой, а затем с обреченным видом несколько раз щелкнул переключателем.

— Даже в мятежных провинциях все сидят тише воды. Боятся нового оружия. А может, боятся того что мы придумаем еще какую-нибудь штуку, в которой будут использоваться уже они сами, или их дети.

— Да уж... — Архелай немного изменил положение щепки и снова щелкнул переключателем.

— Кстати о детях. Я уладил все вопросы, в том самом месте будут оставлены два использованных осадных тараксиппа. Правда, мальцы внутри сразу выгорели при выстреле, как обычно... Но лучше уж пусть попадут к ним, чем обратно в метрополию, верно?

— Верно, друг.

— Не в нашей власти сделать что-то масштабнее. В любом случае это были последние, новых создать уже не смогут, жеребят взять негде. Да и полемархи поступили вполне логично, сразу использовали самое мощное оружие, которое сносит целые горы одним выстрелом. А то что малец внутри за первый же выстрел выгорает без остатка — да кто ж об этом узнает...

Архелай ничего не ответил, вместо этого вытащив и отбросив в сторону щепку из гашетки. Затем он посмотрел на Диадора, еще раз приложил палец ко рту и одновременным нажатием двух защелок разблокировал одну из боковых дверок тараксиппа. Заглянув туда, минотавр просунул руку внутрь, наощупь нашел там сдвижную панель и поставил её на место. Закрыв дверку, Архелай достал импровизированную отвертку, сделанную из инструмента для чистки копыт, и начал прикручивать обратно все отсоединенные детали.

— На какой лад нам вообще нужно соблюдать эту дурацкую инструкцию по депривации? — зашипел Диадор, мотнув головой в сторону тараксиппа, — разве не нужно наоборот говорить с ним чтобы как-то его... — минотавр поводил ладонями в воздухе туда сюда, — Растормошить?

— Мы не ученые, друг. — ответил Архелай, работая отверткой, — Мы не знаем как действует вся эта конструкция. Точнее, само устройство мы знаем, кроме дурацкого секретного разрядника конечно. Но вот главную действующую часть этого механизма — нет. А если это повредит ему? В любом случае будем действовать постепенно, как условились. Сначала узнаем как отключить разрядник, потом уже будем думать над остальным.

— Раз уж мы ответственные тараксиппарии и будем выполнять все инструкции, — Диадор с хрустом потянулся, почти коснувшись кончиками пальцев потолка палатки, — нужно будет перед отбоем хоть немного их почистить. Здесь вонь такая что рога внутри заворачиваются.

— Покорми заодно, — бросил Архелай, мотнув головой в сторону небольшого ящика с принадлежностями для тараксиппов, стоящего у дальней стены палатки, — там еще осталось немного.

Закончив с отверткой и спрятав её поглубже в вещевой ящик, минотавр прошел ко входу в палатку и отворил рядом с ним небольшое окно, как раз на уровне головы. Его нельзя было открыть снаружи, зато изнутри через него прекрасно просматривалась большая клепсидра, установленная в центральной части лагеря, и подсвеченная несколькими лампами.

— Уже нужно идти, — сказал Архелай, — скоро встреча с другом. Надеюсь после такого длинного путешествия он будет по-прежнему осмотрителен, и не попадётся на глаза наёмникам. Не представляю что с ним сделают если поймут.

— Ты тоже осторожнее там, — минотавр раскрыл ящик с принадлежностями для тараксиппов и начал извлекать свертки с инструментами, — патрули сейчас постоянно меняют маршрут. Я, конечно, не сомневаюсь что ты найдешь как от них отделаться, но лишнее внимание нам ни к чему. Все на нервах из-за того что полосатые ничего не делают. Ждём хитрых диверсий.

— Постараюсь вернуться побыстрее, а ты пока что займись своим таракс... своей подопечной. Только, заклинаю тебя, не забывай о депривации.

— Не забуду.

Хлопнул тяжелый полог палатки, впустив внутрь немного пыли и сухого воздуха, который уже заметно отдавал вечерней прохладой. С разных сторон начали доноситься раздраженные крики десятников, собирающих своих воинов на вечерние проверки перед отбоем, и горе тому в чьем щите или нагруднике десятник не увидит своё отражение достаточно отчетливо. Мимо платки, громко зевая и волоча копыта, протащился отряд которому предстояло заступать в ночную стражу. По своему опыту Диадор знал что эти воины наверняка с завистью поглядывали на сослуживцев, сидящих у костров и передающих по кругу меха с разбавленным вином. Никому не нравилась перспектива проторчать полночи на одном месте, до рези в глазах всматриваясь в унылые темные дюны поросшие мёртвыми колючими кустарниками.

Минотавр проделал почти те же манипуляции что и его товарищ несколькими минутами ранее: нажатием нескольких скрытых защелок освободил подпружиненную верхнюю крышку тараксиппа, которая откинулась в сторону и открыла то что было скрыто внутри устройства: там, закрепленная в хитром сплетении ремней и металлических фиксаторов, находилась единорожка бледно-голубого цвета. Подвесная система почти не давала ей двигаться, поэтому та просто лежала ничком, глядя на маленькую горящую лампочку прямо перед собой. В боках передней части тараксиппа виднелась сквозная пробоина с оплавленными стенками: в него попал случайный выстрел зебры во время прошлого штурма. Минотавр не придумал ничего лучше чем заткнуть эти дыры тряпками.

Диадор извлек из ящика со снаряжением нечто мягкое, завернутое в вощеную бумагу. Развернув сверток, внутри которого оказался серый железистый брусок, минотавр с помощью шаблона отрезал от него небольшой кубик. Еще раз измерив то

что получилось шаблоном прямо на ладони, он открыл маленькую дверцу в боку тараксиппа и положил это перед мордочкой пони. Удостоверившись что та проглотила свой ужин, он закрыл дверцу и принялся за чистку внутреннего пространства ящика, для чего в специальном футляре хранился целый набор различных щеточек и тряпочек весьма изощренной формы. Грива пони, которая по инструкциям должна была быть максимально короткой, уже выросла заметно длиннее чем следовало, но еще недостаточно для такой стрессовой процедуры как стрижка. Диадор не стал извлекать из футляра набор для стрижки, а ограничился простым обтиранием единорожки влажной губкой. По инструкции также требовалось целиком полить её тёплой водой из ковша, но минотавр решил отложить эту процедуру до следующего раза, до тех пор пока воины не выкопают злосчастный колодец, и чистая вода в лагере перестанет быть такой ценностью.

Вдруг пони начала мелко дрожать: это было плохим знаком, поэтому минотавр аккуратно закрыл крышку и, крикнув от натуги, поднял тараксипп, убирая его в дальний угол палатки, там где тепло и тихо. Предыдущий тараксиппарий докладывал о том что слышал как она издавала какие-то цокающие звуки, но при Диадоре такого уже не было. Минотавр несколько раз задумывался как бы ему следовало поступить если бы это повторилось, но так и не пришел ни к какому решению. Однако, он точно знал что не стал бы, как прошлый носитель, бить по тараксиппу кулаком.

С момента ухода Архелая прошло уже довольно много времени. Диадор слышал как подаётся сигнал на смену караулов, а значит до отбоя осталось всего-ничего. Поразмыслив немного, минотавр достал раскладной табурет, посильнее открыл фитиль керосиновой лампы и сел за стол, намереваясь заняться письмом домой, которое он не мог закончить уже целый месяц. Не успел он набросать и пары строк, как услышал что полог палатки начал открываться, впуская Архелая.

— Ну, какие ново... — Диадор замер на полуслове, увидев лицо друга. По письму под рукой начала расплываться жирная клякса.

— В метрополии, у нас дома, — Архелай сглотнул, — там всё рухнуло.

— Чего? Как это? Объясни же!

— Да как будто я сам разбираюсь в этой политической тавромахии. Друг сказал... Стратег распустил Ареопаг, иерархов, разогнал всех.

— И кто теперь вместо них?

— Никого. Он один. Он теперь император.

— Ты точно доверяешь своему крылатому другу?

— Как себе.

Диадор подвигал челюстью из стороны в сторону, обдумывая услышанное.

— Что будет дальше? Гражданская война?

— Нет, не думаю. Стратег... То есть император, уже приказал отозвать армии. Мы возвращаемся в старые границы. Не знаю в какие, но думаю не меньше чем на год назад. То есть до нападения на полосатых.

— Тараксиппы?..

Вместо ответа Архелай просто медленно помотал головой. Диадор, до этого напряженно стоящий рядом со столом где недавно писал письмо, разом обмяк, попятился и рухнул на свою походную койку. На его лице расплылась глупая улыбка, но задержалась там недолго: его собеседник не улыбался.

— Ты же знаешь: летучие курьеры нарушившие контракты и бросившие армию после появления тараксиппов это предатели, им нельзя даже появляться на глазах наших воинов. — С болью в голосе сказал минотавр, — Любая весть какую они принесут априори считается обманом на благо врага. Тем более такая весть, которая лишит множество воинов боевой славы, а иерархов очередных продвижений по службе...

— Значит последние новости и приказы из метрополии доставят только дирижаблем, — Диадор в раздумьи склонил голову и поддел большим пальцем кольцо в носу, — если твой друг прилетел уже сейчас, то дирижабль доберется примерно через три дня.

Словно дождавшись пока он закончит фразу, над лагерем пронесся далёкий скрипучий звук плавниковых движителей. Три или четыре дирижабля движущихся одновременно, неслыханная редкость в этой глухой части света. Но, судя по характерным звукам, это были небольшие машины, а вовсе не здоровенный дальнеходный дирижабль прямиком из метрополии, несущий добрые вести. Как бы друзьям этого не хотелось. Луч прожектора ближайшего дирижабля скользнул по палатке, выискивая на территории лагеря башню для швартовки.

— Это военные иерархи, — Архелай устало потёр лоб, — во главе с самим полемархом. Они совещались два дня, но так и не разгадали что зебры для нас приготовили. Решено просто атаковать, всё-таки у нас в распоряжении сорок тараксиппов, они сокрушат любого противника.

— Тогда...

— Я уже всё разузнал у штабных. Штурм завтра днём, как только жара спадет. — сообщил Архелай, словно предвидя последующий вопрос друга.

Из груди Диадора вырвался протяжный стон.

— Мы можем сами обо всём... — проговорил он, а затем сокрушенно закрыл лицо руками, не закончив фразы. Он понимал что в подобное не просто никто не поверит, любого кто осмелится заявить такую околесицу сразу обвинят в трусости, отпилят рога, зашьют в мешок с камнями и сбросят со скалы.

— Нам придётся идти в бой, — твёрдо сказал Архелай, — но теперь мы знаем что он будет последним. К тому же, — минотавр положил руку на плечо друга, — возможно всё пройдет куда лучше чем раньше. Полосатые ведь решили не воевать с нами и не готовятся отбивать штурм. Ох, как же будет хорошо если они просто сдадутся...

— Услышь я пару лет назад о том что могучий Архелай грезит увильнуть от битвы, я бы подумал что надышался каких-то дурманящих трав, — слабо улыбнулся Диадор.

— Грёзы, друг? — Архелай устало сел на свою койку и провёл ладонью по щиту, стоящему у изголовья. Поверхность большого бронзового асписа, хоть и безупречно отполированная, была целиком покрыта мелкими вмятинами и бороздками, следами бесчисленных походов. — Я уверен что на свете есть множество государств которые воевали так долго, что со временем поняли самую суть, увидели самую сердцевину войны. И знаешь в чем она заключается? Она заключается в том что воевать — не надо. Надо пить хорошее вино, наслаждаться вкусными яствами, устраивать спортивные состязания. А войны — это для тех кто еще не понял. И воистину хорошо что мы, наконец, перестаем быть таковыми.

Нагрудники, щиты, длинные наконечники целого леса сарисс поднятых вертикально вверх, всё было начищено почти до зеркального блеска, фаланга представляла собой настоящую реку сверкающую золотом и серебром. Разве что реки не умеют течь боком, и не оставляют за собой настолько огромное облако пыли.

Вытянутая долина, по которой шла дорога ведущая к городу, волей случая представляла собой идеальную площадку для действий фаланги: долина была покрыта песком, за столетия слежавшимся настолько что в него не проваливалось копыто минотавра. Справа и слева её ограничивали ряды песчаных дюн, не слишком высоких чтобы создавать видимость глубокого ущелья, но и не настолько низких чтобы их можно было сходу пересечь и атаковать с фланга. Хотя даже на этот невероятный случай по гребням дюн шли отряды легко вооруженных воинов, способных поддерживать высокий темп двигаясь по крутым осыпающимся склонам. Далеко вверх, в молочно-голубом небе, как обычно сновали небольшие отряды крылатых наёмников, защищавших фалангу от любых угроз с неба, даже если этими угрозами были такие же наёмники, только с вражеской стороны. По словам самих грифонов, это было даже интереснее.

Далеко позади строя фаланги медленно плелись колесницы, обычно шедшие на одном из флангов. С появлением тараксиппов они из грозной силы для решающего прорыва превратились в средство для преследования убегающих. В ближайшем будущем этому роду войск вообще пророчили вымирание, впрочем как и многим другим: тараксиппы оказались чересчур эффективным оружием.

Впрочем, тараксиппариям, со всей возможной аккуратностью несущим громоздкие установки на собственных плечах, от подобной ответственности было нисколько не легче, и любой из них с радостью променял бы тараксипп на сариссу и место в фаланге, или даже на лёгкий щит и пучок дротиков пельтаста. Однако все кому доверяли столь тонкое в обращении оружие были тщательно отобраны из многих тысяч воинов, и никого не интересовало что они думали о своих назначениях.

Тараксиппарии шли чуть позади, готовые в случае чего быстро продвинуться между синтагмами фаланги вперед и начать стрельбу. Хотя сил единорога, заключенного в ящике, в обычном режиме хватало всего на полтора десятка выстрелов, либо на сплошной луч длительностью секунд пять, этого было достаточно чтобы сокрушить любую возможную оборону. Основная масса тараксиппариев двигалась за фалангой, однако несколько наиболее выносливых воинов шли по гребням дюн справа и слева от неё, готовые помочь легко вооруженным собратьям, или даже крылатым наёмникам, хотя из тараксиппа было бы очень трудно попасть в летающую цель размером меньше воздушного шара.

Один из минотавров, несущий потёртый тараксипп с двумя оплавленными отверстиями в боках, двигался с такой массивной ношей настолько быстро, что периодически обгонял идущих налегке воинов рядом, вызывая у тех удивленные возгласы. Оказываясь на ближайших к долине дюнах, он периодически оглядывался вниз на идущую фалангу, непроизвольно восхищаясь тому насколько четко фалангиты держали строй, и насколько величественным бело зрелище, даже притом что фаланга шла не в атакующем построении: сариссы были подняты, а пронзительные трели авлосов давали воинам походный ритм ходьбы. Конечно, заодно он пытался найти там внизу своего друга, ведущего один из отрядов тараксиппариев, но с такого расстояния и при таком количестве поднятой пыли рассмотреть отдельных воинов было слишком тяжело.

Далеко впереди, в зыбком мареве устья долины, уже можно было рассмотреть высокие и узкие башни города который сегодня предстояло взять. Удивительно, но в этот раз, даже зная что город никто не обороняет, минотавр нервничал гораздо больше чем перед самой жестокой схваткой. Неизвестность пугала сильнее чем вражеский строй ошестившийся копьями. Где-то на краю сознания он каждую секунду ожидал как на него обрушится какая-нибудь гадость вроде едкой воды, и он больше никогда не сможет снять шлем в публичном месте. Но гадость всё не обрушивалась, а чуть впереди, за несколькими дюнами, показались изящные лопасти ветряной мельницы, судя по всему стоящей в предместьях города.

Минотавр и близко не был знаком с земледелием, но даже он задумался над вопросом зачем же нужна такая мельница в такой пустынной местности. Из размышлений его вывел один из воинов впереди, который первым забрался на небольшой холм, а затем вдруг быстро присел на одно колено, вглядываясь куда-то вниз, в сторону фаланги. Одновременно с этим до них донеслось несколько

отрывистых и до боли знакомых команд: «фалангитам стоп», «опустить сариссы». Тараксиппарий быстро взобрался на дюну вслед за воином, ожидая увидеть перед фалангой врагов, или какую-то ловушку, что угодно кроме того что он увидел.

Там, прямо перед ошетилившимся сариссами монолитным строем стоял одинокий пони. Даже с такого расстояния минотавр разглядел на нём белый кусок ткани, надетый на манер гиматия. Выглядело по-дурацки, пони-путешественники прилетавшие иногда в метрополию на дирижаблях, никогда не носили ничего подобного, но этот зачем-то надел. Минотавр вдруг удивился сам себе, осознав что мысленно рассуждает об одежде этого пони, вместо того чтобы подумать о том откуда он здесь взялся настолько внезапно.

Несколько лохосов в центре фаланги синхронно разошлись в стороны, пропуская вперед колесницу с полемархом, и заодно отряд тараксиппариев, тут же опустивших свои установки на уровень пояса и готовя их к бою. Конечно, минотавр не мог слышать о чем говорили полемарх и тот пони, но разговор не занял много времени. Полемарх махнул рукой и колесница, лихо развернувшись, понеслась обратно в тыл, чуть не сбив с ног одного из тараксиппариев, расположившихся на пути. Строй фаланги сомкнулся, снова прозвучали команды, а авлосы громко заиграли мелодию от которой у любого минотавра в груди возникает щемящее чувство: «фаланга вперед» и «шаг на два-четыре». Огромная масса воинов синхронно тронулась с места всё в том же восхитительно правильном боевом порядке, несмотря на то что перед ней стоял всего один пони. Всё это время он что-то кричал, топая передними копытами и потрясая головой, но, судя по неотвратимо приближающимся сариссам, его слова не имели никакого эффекта.

Когда расстояние между ним и кончиками копий сократилось до десятка шагов пони вдруг исчез. Минотавр не понял как это произошло, он просто моргнул — и на месте пони уже никого не было. Его не было ни в небе, ни где-то еще, где его можно было увидеть. Исчезновение парламентёра вызвало среди рядом стоящих воинов синхронный вздох удивления, но ни у кого не было возможности спокойно обсудить произошедшее: позади гаркнул один из десятников, призывая воинов двигаться шустрее и прочесать дюны по флангам. Конечно, обычный пехотный десятник не имел власти над тараксиппарием, но минотавр всё равно двинулся вместе со всеми, надеясь побыстрее подойти к городу и увидеть что их там ждёт, ведь, судя по жесткой реакции полемарха, пони говорил не о сдаче.

До ветряной мельницы впереди оставалось всего две или три гряды небольших дюн. Здешняя местность не была безжизненной пустыней, кое-где торчали заросли низких корявых деревьев, не дающих никакой тени, под ногами росли пучки сухой и колючей, но всё же живой, травы. Однако для того кто вырос на островах метрополии, где каждый свободный клочок земли был наполнен благоухающей зеленью, мрамором и бетоном, местное окружение выглядело долиной смерти.

Минотавр, стараясь держать тараксипп на весу и не трясти его, спустился в небольшую ложбину между ближайшими дюнами. На миг потеряв ориентировку он начал раздумывать на какой склон следует взобраться следующим, как вдруг лёгкий ветерок, донёс до его ушей нечто странное. Ветер среди дюн постоянно менял направление, периодически то заглушая доносящиеся со стороны города звуки, то наоборот усиливая их. Несмотря на желание поддерживать темп, минотавр остановился, наострив уши.

Больше всего это было похоже на пение очень большой толпы. Немного асинхронное, слишком протяжное и грустное, еще и под аккомпанемент каких-то диких инструментов, совсем не похоже на музыку к которой он привык.

— Они что, так молят о пощаде? Или взывают к своим богам? — сквозь одышку усмехнулся один из воинов, остановившихся рядом с тараксиппарием, — Ну это им не поможет.

— Поднять щиты, остолопы! — заорал десятник где-то совсем рядом, и минотавр непроизвольно дёрнул левой рукой, только через мгновение вспомнив что щита у него нет. Вместо этого он посмотрел вверх, ожидая увидеть там что-то знакомое по предыдущим кампаниям, но происходящее снова заставило его замереть в изумлении.

Впереди, как раз на полпути между ними и городом, в воздухе вдруг возникло сизое клубящееся облако. Оно казалось темнее чем есть на самом деле, но даже будь оно идеально белым, оно не стало бы менее неуместным посреди неба, чистого буквально минуту назад. Песня, доносящаяся со стороны города, видимо как раз достигла своей кульминации: ветерок дул с нужной стороны и казалось что поют где-то за ближайшей дюной. А потом, одновременно с этим, на облаке появилась призрачная фигура, словно сотканная из постоянно переливающейся массы голубого аквамарина.

Огромная лошадь, размером с самую высокую башню, взошла на это облако словно живая статуя на пьедестал, расправила гигантские крылья и открыла глаза, целиком сияющие белым светом. Летучие наёмники, едва завидев это, тут же ринулись в разные стороны со всей возможной скоростью. Через мгновение с кончика рога огромного призрака сорвался ослепительный луч, направленный на левый фланг фаланги и расширяющийся ближе к земле. Луч походил бы на солнечный, если бы не светился безупречно-белым, и не двигался по земле одним плавным росчерком, словно тяжелый поисковый прожектор установленный на дирижабле. После того как луч прошел от одного до другого края поперек долины, неестественное облако быстро начало таять, а лошадь склонив огромную голову быстро растворилась в воздухе.

Минотавр не сразу осознал что стоит раскрыв рот и немигающим взглядом глядя на участок неба, где клубились последние следы быстро исчезающего облака. Мимо него быстро пробежал один из воинов, на ходу отбрасывая щит для того чтобы бежать было легче. Для воина не было проступка серьезнее чем потеря щита, за это могли признать дезертиром, но минотавр даже на миг не задумался почему этот воин

так сделал. Словно в тумане, с переливающимися белыми всполохами в глазах от увиденного яркого света, он взошел на гребень ближайшей дюны, откуда открывался вид на долину.

Фаланга была на месте, и теперь, без поднимающихся клубов пыли, еще больше походила на реку созданную из золота. Начищенная бронза сияла ничуть не менее ярко чем в начале этого дня, шеренги и ряды воинов по-прежнему были безупречно выстроены. Только через мгновение минотавр осознал что не слышит ни простеньких трелей авлосов, ни резких команд десятичников, ни скрежета и ударов доспехов друг о друга. Ни одного звука сопровождающего огромную массу воинов. И еще через мгновение он понял что не видит ни одной поднятой сариссы. Тысячи воинов лежали на земле, упав как подкошенные прямо там где стояли, по команде подняв щиты и укрываясь ими от неизвестной угрозы. Над фалангой вился слабый белый дымок, словно от только что испеченного хлеба. Где-то слева в тылу металось несколько десятков пеших фигурок, бывших слишком далеко от фаланги чтобы попасть под луч. Колесницы катались кругами на одном месте, поднимая тучи пыли: возницы были ошеломлены и не понимали что делать дальше. Один из них, остановившись рядом с лежащим чуть в стороне десятичиком, попытался растолкать его и поднять на ноги, но перевернув того на спину, отпрянул, вскочил обратно на колесницу и во весь опор понесся прочь. Туда, где в поднятой пыли виднелись две резервные синтагмы, в полном беспорядке бегущие прочь.

Постояв меньше минуты на гребне дюны и глядя вниз, минотавр вдруг ощутил уже почти позабытое чувство, которое в последний раз помнил еще совсем новобранцем. Когда с горсткой воинов, которых едва хватало на одну шеренгу, остался блокировать узкую улочку какого-то городка в метрополии во время восстания из-за очередного повышения фороса. Он не помнил даже названия этого города, разве что врезалось в память то что они держали оборону рядом с бакалейным магазином. Это забытое чувство, словно глоток неразбавленного вина, постепенно разливалось от груди к конечностям, заставляя их мелко дрожать, а глаза слезиться. Однако в этот раз рядом не было верного друга, который вовремя придержит за локоть. Друг лежал там, внизу, и над ним поднимался белый дымок.

На миг тараксиппарию показалось что уже почти растаявшее облако снова начинает сгущаться.

Громко взыв от ужаса, минотавр сорвался с места, прочь от долины. Несколькими скачками спустившись с дюны, он начал быстро взбираться на другую, затем в два прыжка сбегав и с неё, сразу начал подниматься на следующую. Он не разбирал дороги, все дюны вокруг были на одно чужое лицо, просто кучи серо-желтого песка кое-где поросшие чахлой травой. Страдая жуткой одышкой, он спустился с очередного бархана, и оказался на достаточно ровной местности размером с городской квартал, в дальней части которой за холмиком торчала пара сараев и большая ветряная мельница с изящными лопастями, непонятно зачем построенная

здесь. Остановившись от неожиданности, минотавр попытался отдышаться, и только тогда понял что всё это время не выпускал из рук тараксипп. Он уже настолько привык к тяжелому ящику что совершенно не задумываясь нёс его всё это время. Тупо уставившись на потёртую установку, от которой на бегу из-за тряски отвалилась табличка с номером, он не сразу заметил пони, приближающуюся откуда-то справа.

Не двигаясь, минотавр проследил за ней одними глазами. Единорог, еще совсем молодая, была облачена в какое-то подобие архаичных доспехов, состоящих из нагрудника и шлема со смешным гребнем, которые отдалённо напоминали те что использовали в империи, еще в старые славные времена. Минотавр, до этого никогда не видевший единорогов настолько близко, всё же отчетливо понимал что она сама боится его. С одного взгляда в её огромные фиолетовые глаза было ясно, что пони толком не знает что делать дальше. Осторожно обойдя его полукругом, единорог заметила стоящий рядом тараксипп, и её взгляд мгновенно переменялся.

Минотавр тоже посмотрел на свою ношу, и ему в голову пришла какая-то идея. Еле заметно улыбнувшись, он нагнулся, приподняв увесистый ящик за один край, и попытался привычным движением нашарить скрытые защёлки для того чтобы открыть верхнюю крышку.

Когда он неожиданно протянул руки к ящику, рог единорожки засветился, и пони, одним молниеносным прыжком влево, оказалась вне поля зрения воина. В следующее мгновение минотавр понял что ноги его больше не держат, инстинктивно он попытался не упасть на тараксипп, но это получилось скорее по случайности. Тяжело повалившись на спину, с неловко подогнутыми ногами, он уставился в молочно-голубое небо, которое начало постепенно блекнуть, сужаясь по краям.

Последним что он видел была какая-то птица, летевшая в сторону мельницы.